

Филологические науки

УДК 82.091

ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ В ДНЕВНИКАХ М. М. ПРИШВИНА 30-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ⁵

Р. Р. Алиева, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия).

Аннотация. В статье раскрывается точка зрения автора уникальных «Дневников» М.М. Пришвина на проблему «личность – общество» и в связи с ней на характер героя времени.

Ключевые слова: личность, общество, горский национальный характер, новый тип руководителя региона.

«Дневники» М.М. Пришвина – уникальная и малоизученная часть его творческого наследия. Это его фактически героический подвиг, его грандиозный вклад в сокровищницу русской культуры. Их он вел регулярно около полувека: с 1905 года и до конца жизни (1873-1954). Выборочно и неполно некоторые записи публиковались при жизни писателя, но только в 1991 году появилась возможность осуществить первое полное многотомное научное издание этих шедевров замечательного русского писателя. Издание далеко от завершения, напечатано менее половины дневниковых записок, но по тому, что уже опубликовано, можно судить об их величайшей ценности.

Объединивший в своем лице писателя, философа, экономиста, литературного критика, гражданина и патриота, Пришвин в ежедневных, предельно искренних и непринужденных дневниковых записях не только описал события повседневной жизни своей и своей семьи, ближайшего окружения и всей страны, зафиксировал ценнейшую многоаспектную информацию и дал ей глубокую нравственно-политическую и эмоциональную оценку, но и откровенно запечатлел свои раздумья о судьбе России, ее прошлом, настоящем и будущем, раскрыл глубокие социальные, эстетические, нравственно-философские проблемы своего «трудного времени». Среди них: проблема человека и среды, человека и природы, личности и власти деспотического государства, свободы и необходимости, личного и общественного, национального и инационального и др.

Постоянный труд по созданию дневников дисциплинировал поэта, позволил ему в условиях тоталитарного государства остаться внутренне свободным человеком, стать летописцем своей драматической эпохи, творцом и строителем собственной жизни, наделенным даром «пристального зрения», чуткостью художника, остротой реакции на происходящее в стране и мире, силой и глубиной переживаний.

Неслучайно поэтому писатель высоко ценил свои дневники и считал их едва ли не самым главным из того, что он создал в жизни. И хотя он и представить не мог о возможности их полной публикации, но признавался (тоже в дневнике), что время от времени перечитывает, приводит их в порядок, заботится об их сохранности. А незадолго до смерти, в 1951

⁵ Статью рекомендовал: Малик Джамалутдинович Ваджибов, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия). Воспроизведена републикация по сборнику: *Культура русской речи в условиях многоязычия: материалы II Международная научно-практическая конференция (Махачкала, 18–19 мая 2015 г.) / отв. ред. М.Д. Ваджибов. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2015. – С. 28-32.*

году, уже являясь известным советским писателем, автором замечательных романов, повестей, лирических миниатюр: «Кашеева цепь», «Кладовая солнца», «Лесная капель», «Фация», «Глаза земли», «Осударева дорога» и др., он отметил: «Я главные силы свои как писателя тратил на писание своих дневников». И их считал своим неисчерпаемым богатством. Он несомненно понимал, что его дневники являются важнейшим документом сложной, большой, противоречивой эпохи, созданным свидетелем, участником, очевидцем основных событий и острейших конфликтов своего времени. Дневники стали актами гражданского мужества писателя, осуществлением его высокого нравственного долга, решением добровольно взятой им на себя задачи сохранить для потомков историческую истину о первой половине XX века.

В широком диапазоне проблем, волновавших автора «Дневников», проблема личности и общества, личности и деспотической власти занимала центральное положение.

С первых же месяцев и лет после установления советской власти, с присущей писателю пронизательностью осмысливая реалии современной жизни, он с тревогой стал замечать, как в ней всё более отчётливо проявляются признаки неуважения, безжалостности властей по отношению к личности, к судьбе отдельного человека. Уже 16 июня 1918 года он с горечью пишет в «Дневнике» о том, что в обществе «... теряется жалость к отдельному человеку и торжествует общечеловек» [1, с. 70], что «у большевиков чувство массы преобладает над чувством личности» [3, с. 44]. Эта тенденция представляется ему ошибочной, противоестественной, абсурдной в стране, недавно пережившей революционный переворот во имя свободы и равноправия её граждан. По его мнению - «... уничтожить всё личное в человеке, значит ... превратить его в раба» [2, с. 62]. Он считает это положение опасным, угрожающим даже самому существованию советского государства. «Если только нашему Союзу предстоит жить, - глубокомысленно отмечает он 7 ноября 1932 года, - то рано или поздно непременно должна начать формироваться и утверждаться в своих правах личность» [2, с. 62].

Однако в стране, считавшейся социалистической, нарастал процесс разрушения, обесценивания, уничтожения личности, гуманистических нравственных ценностей, духовно-культурных традиций под натиском идеи классовой борьбы, классовой морали и нравственности, классового происхождения и самосознания, проводимой в жизнь большевиками. Его Пришвин считал страшной, трагической ошибкой властей.

Писатель был убежден, что идея классовой борьбы и классовой морали абсурдна, ущербна, бесплодна изначально, она противоречит логике всего мироустройства, принципам общечеловеческой морали... «Выстроить что-либо с такой моралью нельзя, и, я думаю, продолжать жизнь людей на земле невозможно... (для партийца нет ничего частного, всё частное есть общее)», - признает он в «Дневнике» 3 июля 1930 года. Отголоски политики большевиков, направленной на обесценивание личности, Пришвин увидел в насильственной организации колхозов, сопровождавшейся безжалостным уничтожением крестьянского мира под видом раскулачивания. Это справедливо было оценено в «Дневнике» как «начало величайшей национальной катастрофы» [2, с. 71].

В середине 30-х годов всё более частыми в «Дневниках» становятся записи на тему «власть и личность». В них он запечатлел признаки государственного террора, насаждаемого в немыслимых масштабах, атмосферу страха, охватившую всю страну, осудил политику государства, «принципиально уничтожающего личность», как чудовищную, несправедливую,

обнажил культ лжи, изощренного цинизма и лицемерия власти. В этих условиях Пришвин утверждает высочайшую ценность личности, провозглашает постулат свободной личности как основы общественного прогресса. Он часто оперирует при этом универсальными философскими категориями свободы и необходимости, «надо» и «хочется».

Размышляя об этих проблемах, он обращается к творчеству писателей-классиков, прежде всего Пушкина, которого он считал олицетворением России, её духовной мощи. «Пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет» [1, с. 545], - писал Пришвин ещё во время I мировой войны. С Пушкиным, с его творчеством сверял он свои раздумья о жизни, о ее глобальных проблемах. В поэме «Медный всадник» её основной конфликт он лаконично определил как столкновение «надо» и «хочется». Олицетворением «надо» вступает Медный всадник, «хочется» - Евгений. «Медный всадник - «Он», государство, Евгений - «Я», душа ...и, конечно, в перспективе будущего «ужо!». Евгений прав: он пророк (выделено автором - Р.А.); так что Всадник - это необходимость, власть, берега, а Евгений - вода текущая» [2, с. 68]. Так образно определил писатель животворную силу личности, её неповторимость, непредсказуемость, высокую ценность. Но он вслед за Пушкиным не отрицает и государственную волю.

К концу жизни оппозиция «власть» и «личность» со ссылкой на поэму Пушкина представляется Пришвину в её диалектичности, сложности. 23 марта 1952 года в «Дневнике» появляется запись: «Я вспоминаю «Медного Всадника»: личное и государственное начала в нем представлены так, что автор сочувствует Евгению, но признает необходимость Медного Всадника». Таким образом, и власть - не «чистое» зло, а зло, могущее привести к добру, и личность - добро, прорыв к лучшему, символ внутренней свободы, способности противостоять деспотии.

Так что тема: личность и общество, свобода и необходимость, каждый и все, большое и малое - в их соотносительности становится главной, сквозной темой и «Дневников» Пришвина, и его художественного творчества.

Неожиданно для себя удачное совмещение личного и государственного начал Пришвин нашел в облике талантливого руководителя одной из Северокавказских автономных республик - Кабарды - Бетала Калмыкова. С ним он лично познакомился и много общался во время своей командировки в Кабарду, которая длилась более 3-х месяцев: с марта по июнь 1936 года. Многие страницы «Дневника» писателя за этот год содержат сведения о Бетале: его внешнем облике, нравственных качествах, разносторонней деятельности. Он показан на страницах «Дневника» и как талантливый государственный человек, руководитель региона, и как живая творческая личность, индивидуальность.

«В лице Бетала ... изобразить современную личность в лучших её возможностях» [3, 273], - такую задачу поставил перед собой Пришвин, записал об этом в «Дневнике» и сразу же приступил к её выполнению. Эта задача заинтересовала его именно как писателя, который в жизни увидел воплощенный идеал, тип «положительно-прекрасного человека», но свои живые впечатления о нем успел оставить только на страницах тайного «Дневника», т.к. вскоре героя его записок постигла та же участь, что и других его современников: он был репрессирован, расстрелян, объявлен врагом народа, а имя его было запрещено долгие годы упоминать в печати. Тем дороже сейчас для нас свидетельства об этом незаурядном человеке, оставшиеся на страницах «Дневников» писателя. В самом начале записей он отмечает общее благоприятное впечатление, которое произвел на него Бетал при личном знакомстве.

«Меня очень заинтересовал Бетал Калмыков ... Передо мной живой человек. Он мне очень нравится ... хочу, чтобы о нем больше знали, желаю ему добра», - признается писатель и добавляет, что совет познакомиться и присмотреться к Беталу дал ему главный редактор газеты «Известия» Н.И. Бухарин во время их беседы в Москве незадолго до приезда в Кабарду. Бухарин первый обратил его внимание на Бетала как организатора «необыкновенного строительства в сельском хозяйстве», то есть государственника, и душевно богатого, открытого людям человека.

Эти впечатления нашли полное подтверждение и обогатились новыми в процессе личного знакомства и общения Пришвина с Беталом Калмыковым в Кабарде. Писатель убедился в необычайной физической силе и самообладании своего героя, когда услышал от очевидцев о случае на охоте. Беталу пришлось одному вступить в схватку с медведем и в обнимку с ним прокатиться по отвесной скале более километра.

Величайшее самообладание, хладнокровие и находчивость Бетала он увидел и в эпизоде с лошадыю, которая неожиданно поскользнулась и вместе с сидящим на ней Беталом стала стремительно падать с горной кручи. Бетал успел ухватиться за куст и удержаться на нем. «Лошадь разбилась, а он выбрался» [3, с. 50], - заключает писатель.

По его мнению, Беталу был присущ «дермант». Этим словом кабардинцы обозначают силу жизни..., единство духовного и физического совершенства. «Думал я о жизни этого человека, в детстве арканившего здесь коней, и теперь хозяина, настоящего творца своей области. Какая цельность личности и какая работоспособность! Так это и надо запомнить, что для государственного деятеля необходима сила в личности, между прочим, и *сила физическая* (выделено автором - Р.А.), и никак не интеллект при дряблом, теле...» [3, с. 111]. Писатель любуется статьей Бетала, естественностью, непринужденностью его поведения, уверенностью в себе. «Он никогда не прячется, - отмечает Пришвин в «Дневнике», - он свободно, без всякой охраны гуляет в парке, и никто не смеет к нему подойти: боятся. Все боятся и уважают ... В общем и целом получается замечательный правитель, герой, «любимый и дорогой» вождь...» [3, с. 116].

Искреннее восхищение новым типом руководителя советской республики привело Пришвина к сравнению Бетала с Петром I-м. «Россия для Кабарды, как Петру I - Европа: Бетала большевизм точно, как у Петра I» [3, с. 111] (Кстати, похожие ассоциации возникли у М. Волошина, писавшего, что «Петр I был первый большевик»). Главное достоинство руководителя республики - это организаторские способности, деловитость, требовательность к подчиненным, неразрывность слова и дела. «Слово Бетала у них закон: его дело все теперь увидели и полюбили», - отмечает Пришвин. Он посетил ряд новостроек, колхозов, совхозов, животноводческих ферм и конезаводов, побывал на Баксанской ГЭС, а также в так называемом *агрогороде*. Так называли тогда объекты новой хозяйственной культуры. «Агрогород - это городская культура, внесенная в земледельческий быт», - пояснил писателю Бетал. И он убедился, что в республике «строятся хорошие деревенские дома, какие обыкновенны в германской деревне» [3, с. 56], как «удивительно чисто везде и столько цветов» [3, с. 119], возводятся новые электростанции, гостиницы, школы, дом советов, пришло электричество в сакли, железные плуги на колхозные поля. Радуюсь тому, что в Кабарде быстро перестраивается и улучшается жизнь, писатель замечает удовлетворенно: «Здесь на смену умершему приходит живое, новое, лучшее» [3, с. 187].

Наблюдая Бетала в будни и в праздники, Пришвин заметил, что на празднике Бетал

«вел себя очень просто. Удивительно и чарующе в нем, что к каждому человеку ... он относился просто и хорошо» [3, с. 178]. И люди платят такому руководителю искренней любовью. «Все любят и обожают Бетала как своего родного человека, своего вождя» [3, с. 190]) - замечает Пришвин в «Дневнике», одновременно подчеркивая, что в деле он требователен и строг, заставляет людей работать четко и ответственно, так как сознает, что иначе невозможно создать новую Кабарду.

Являясь, по шутливому замечанию писателя, самодержцем замлельческо-пастушеской Кабардино-Балкарии», Бетал сумел сохранить тактичность, деликатность, скромность. «На трибуне краснеет, когда его восхваляют, и от аплодисментов отмахивается рукой, как будто мухи ему мешают» [3, с. 49]. Поэтому-то и сумел он вызвать неподдельное уважение своих сограждан. «Калмыков» везде выговаривают так просто, будто это не местный Сталин, а какой-нибудь заведующий универмагом, и в то же время Калмыков несомненно во всеобщем сознании - настоящий национальный герой», - записал он 14 апреля 1936 года [3, с. 112]. Причислив Бетала к типу национальных героев, Пришвин не идеализирует его, а отмечает в его облике и поведении амбивалентность: мужественность и наивность, доброту и жестокость.

Писателя неприятно поразила замеченная им «завязанность» подлежащих решению разнообразных проблем различных сфер жизни республики на Бетале Калмыкове. «Даже мелочь какая-нибудь вроде машины или квартиры, и то никто ничего не ответит прямо от себя, а посоветует: «об этом вам надо поговорить с Беталом». И даже если решится сам за свой страх что-нибудь сделать, то непременно про себя трижды представит, как в этом случае поступит Бетал. «По-видимому, на этом и построена система управления этой маленькой страной: *Бетал до всего доходит сам (выделено автором - Р.А.)*, и мимо за спиной у него ничего не пройдет» [3, с. 54]. Такая позиция всё же вызывает сомнение писателя.

С присущей пронизательностью он заметил в новых реалиях кавказской жизни и опасность унификации, растворения самобытной кабардинской культуры во всеобщих стандартах. «После того, как Калмыков прочитал свою партлекцию об Агрозороде, мне бы надо было спросить его: а что, в этом новом, стандартном для всего мира быту останется что-нибудь кабардинского, или даже и последняя барашковая папаха заменится нашей московской шапкой?» [3, с. 67]. Этот риторический вопрос был далеко не случайным и свидетельствовал о тактичности русского писателя, его заботе о сохранении национальной самобытности и менталитета кавказских народов. Замеченная тенденция тревожила писателя. Эту тревогу разделил с ним глава республики. «Стремление к русскому ради лучшего личного будущего с жертвой национальным - вот и это подтвердил Бетал, - записал в «Дневнике» Пришвин 29 марта 1936 года, но продолжал размышлять на эту тему и позднее, по возвращении на родину, о чем свидетельствует запись 12 июля. «Теперь доходит до того, что самими победителям приходится оберегать национальные интересы от добровольного растворения нации малой в большой» [3, с. 261].

На страницах «Дневника» остались и тревожившие писателя мысли о недооценке личности, ее национальных и индивидуальных черт, допущенной самим Беталом Калмыковым в его повседневной работе. «Только видно, что подход к человеку (выделено М. Пришвиным - Р.А.) этого организатора, строителя чисто деловой, как к дереву, которое нужно из леса пересадить в центральный парк... Мало того, всё, даже внимание к индивидуальным особенностям, делается как бы в интересах не личности, а общественного механизма Кабарды.

Относительно личного самого по себе такому организатору всегда «некогда» [3, с. 115]. Эта тенденция показалась писателю многозначительной и тревожной. Ее он ценил как «драму современной жизни» [3, с. 71].

Тогда, в 1936 году, он не мог предположить, что жертвой этой драмы скоро станет сам Бетал Калмыков, талантливый руководитель национальной республики, незаурядная личность которого произвела на него сильнейшее впечатление как личность яркая, героическая, как воплощение лучших черт горского национального характера.

Литература:

1. Пришвин М.М. Дневники: 1918-1919. - СПб.: Росток, 2008.
2. Пришвин М.М. Дневники: 1932-1935. - Т. 8. - СПб.: Росток, 2009.
3. Пришвин М.М. Дневники: 1936-1937. - Т. 9. - СПб.: Росток, 2010.

Alieva R. R. Problema geroja vremeni v dnevnikaх M.M. Prishvina 30-h godov XX stoletija / R. R. Alieva // Nauka. Mysl'. - № 12. – 2015.

© Р. Р. Алиева, 2015.
© «Наука. Мысль», 2015.

— ● —

Abstract. The article reveals the views of M.M. Prishvin, the author of unique «Diaries», on the problem of relations of person and society and within the latter the issue of hero of time.

Keywords: person, society, highlanders' national character, new type of regional leader.

— ● —

Сведения об авторе

Раиса Раджабовна **Алиева**, к.ф.н., доцент кафедры русской литературы филологического факультета Дагестанского государственного университета (Махачкала, Россия).

— ● —

Подписано в печать 30.12.2015.
© Наука. Мысль, 2015.